

Александр Гарцев

Я не Дон Кихот,  
я - токарь.

18+

# Александр Гарцев

## Я не Дон Кихот, я - токарь

<https://litres.ru/74397242>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Новая книга писателя Александра Гарцева "Я не Дон Кихот, я - токарь" снова погружает нас в СССР, в любимое время автора, в восьмидесятые годы прошлого века.

Время действия: осень 1985 — зима 1987 года. Место действия: город Н-ск на реке Шелони, завод «Электроаппарат» — градообразующее предприятие, где люди живут работой, а работа — людьми.

Это роман о тихом мужестве, о том, как один токарь с афганским шрамом на виске решает, что молчать больше нельзя.

Александр Самохин — простой парень, вернувшийся из Афганистана, — хочет одного: жить честно.

Но жизнь на заводе устроена иначе: пока он воевал, его друг Пашка придумал таскать с завода списанное серебро. Сашка не идёт на воровство — и тем самым начинает невидимую войну. Он пишет рацпредложение, которое перекрывает источник лёгких денег. Пашка срывается в запой, и дружба трещит по швам.

Но главный конфликт впереди.

Это — роман о тех, кто идёт до конца, о тех, кто не сдаётся.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| От автора                         | 4  |
| Персонажи нашей истории           | 7  |
| Глава 1. Окалина                  | 11 |
| Глава 2. Серебряный дождь         | 17 |
| Глава 3. Приспособление           | 24 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 27 |

# **Александр Гарцев**

## **Я не Дон Кихот, я - токарь**

### **От автора**

Человек рождается в мире, который не спрашивал его согласия. Он приходит в готовую реальность: с её законами, её страхами, её несправедливостью. И первое, что он должен сделать, — определить своё место в ней. Не то, которое ему отвели, а то, которое он выберет сам.

Сашка Самохин — не герой в высоком смысле этого слова. Он не вешает плакатов на стены, не произносит пафосных речей, не собирает многотысячные митинги. Он просто встаёт утром и делает то, что считает правильным. В этом, как мне кажется, и заключена суть человеческого достоинства. Мы не всегда можем изменить мир — но мы всегда можем не предать себя.

Альбер Камю писал в «Мифе о Сизифе»: «В самом глубоком смысле свобода означает не возможность избежать страдания, а способность придать ему смысл». Сашка не ищет лёгких путей. Он мог бы закрыть глаза на воровство Пашки, промолчать, когда увольняют Дашу, уйти в тень, когда бьют по лицу. Но он каждый раз выбирает трудное — потому что без этого выбора его жизнь перестаёт быть его собственной.

Он повторяет путь десятков литературных героев, которых мы любим за их человечность. Как Шухов из «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына — он не герой, он просто человек, который сохраняет себя там, где всё направлено на уничтожение человека. Или как Андрей Болконский, который искал своё небо над Аустерлицем, а нашёл его в тишине русских полей. Или как Павел Корчагин, который говорил: «Самое дорогое у человека — это жизнь» — и не потому что она дана один раз, а потому что каждый день можно прожить по-разному.

Но есть в этом романе и нечто особенное, что роднит его с чеховской прозой. Герои Чехова не кричат о своих страданиях. Они живут — тихо, тяжело, с любовью к деталям. Доктор Астров в «Дяде Ване» сажает леса, потому что верит в будущее. Три сестры смотрят в окно на дождь и мечтают о Москве. Они не строят империй, они строят души. И в этом их величие.

Сашка с Мариной не строят профсоюз — они строят пространство, где человек может быть человеком. Где мать-одиночку не выгоняют за опоздание. Где на рабочем месте не боятся дышать. Где за столом в Новый год есть место для друга, даже если он пьян. Это и есть экзистенциальный выбор: не бороться с системой в одиночку, а создавать вокруг себя островки человечности. Даже если они малы. Даже если их могут раздавить.

Фёдор Достоевский однажды написал: «Красота спасёт

мир». Но я бы добавил: не внешняя красота, не та, что видна на парадах, — а красота поступка. Красота выбора, когда можно предать, но не предаёшь. Красота любви, которая не требует платы. Красота жизни, которая, несмотря на боль, продолжается.

В конце романа Сашка стоит на кухне, и телефонный звонок приносит ему официальное признание. Но мы знаем: это не финал. Это лишь поворот в вечной борьбе — той, которую невозможно выиграть окончательно, но можно вести достойно. И в этом — надежда.

Я хочу пожелать тебе, мой читатель, того же, что я желаю своим героям. Не бояться быть слабым. Уметь прощать. Любить не за что-то, а вопреки. Находить смысл в малом: в горячем чае, в руке рядом, в первом снеге за окном. И помнить, что самое важное — это не победы, а то, как мы проживаем свои поражения. Потому что именно в них — наша человеческая глубина.

И да будет с тобой тишина, в которой ты слышишь себя. И свет, который ты зажигаешь для других. И сила — не громкая, не победная, а та, что позволяет просто идти дальше, даже когда не видно дороги.

Как сказал Антуан де Сент-Экзюпери: «Любить — это не значит смотреть друг на друга, а смотреть в одном направлении». Будьте тем направлением, куда стоит смотреть.

С любовью и уважением,

Ваш автор, ваш друг и рассказчик.

# Персонажи нашей истории

Александр Сергеевич Самохин (Сашка). 23 года.

Коренастый, широкая кость, короткая стрижка «под горшок», на левом виске — шрам от осколка (получил под Кандагаром). Глаза серые, усталые, но смотрят прямо. Одет в дешевый джинсовый костюм, купленный с рук, любит клетчатые рубашки.

Молчаливый, не красноречив. Слова даются ему тяжело, он чаще слушает. В нем сидит злость на несправедливость, но она выплескивается не криком, а действиями. Очень привязан к матери. Боится высоты и публичных выступлений, но пересиливает себя.

Мотив: «Пацаны там, в горах, не за это умирали». Честь для него не абстракция, а конкретное обещание, данное погибшему комбату. Он не хочет быть героем, он хочет, чтобы его оставили в покое, но если видит ложь — его трясет.

Речь: Коротко, рублено. «Нет. Не пойду. Сказал — сделаю».

Павел Иванович Королев (Пашка). 25 лет.

Высокий, тощий, вечно небрит. Ходит в желтой дубленке, которая ему велика. Пальцы желтые от никотина.

Хитрый, изворотливый, но не злой. Он — жертва своей слабости. Он ненавидит себя за то, что откосил («астма» — на самом деле, здоров как бык), но уже привык жить легко

и на халяву. Сашка для него — как совесть. Он искренне любит Сашку, но не может перестать врать.

Желание быть «нормальным парнем», но страх бедности. Когда Сашка перекрыл ему серебряный кран, Пашка не мстит, он просто уходит в запой и теряет работу. Это его тихая трагедия — он сломался, но винит в этом не Сашку, а «новую жизнь, где честным не выжить».

Речь: Быстрая, с прибаутками. «Эх, Серега, ты святой, а я грешный. Мне б твою веру, да мою хитрость — мы б весь Союз перестроили».

Марина Владимировна Гордеева. 26 лет.

Среднего роста, русые волосы до плеч, собраны в хвост. Носит строгую чешскую юбку и шерстяной свитер. На левой руке — часы «Заря». Лицо умное, с высоким лбом, без косметики.

Она — инженер-технолог из соседнего цеха. Пришла на завод после института по распределению. Её отец был раскулачен в 30-х, поэтому она боится говорить громко, но очень чутко чувствует фальшь. Она полная противоположность Сашки: она всё проговаривает словами, анализирует. Она видит в Сашке не борца, а страдальца, и этот аристократизм души в грязной робе ее привлекает.

Она ищет свой смысл жизни. Просто работать инженером ей скучно. Сашка дает ей возможность заниматься делом, а не бумажками. Она влюбляется в его идею, а потом и в него.

Речь: Интеллигентная, с паузами. Использует сложные

обороты. «Александр, вы понимаете, что это не просто конфликт, это кризис всей управленческой парадигмы?» — говорит она, а сама краснеет.

Сергей Николаевич Медведев (Мастер). 32 года.

Моложавый, в отглаженных брюках со стрелками, очки с тонкой золотой оправой, волосы зализаны набок. Запах дорогого «Шипра».

Это не злодей в классическом смысле. Это человек системы, который свято верит, что дисциплина = качество. Он не берет взятки, не пьет. Он просто не видит людей, он видит «человеко-часы». Его увольнение Даши — не садизм, а математика: она нарушила Трудовой кодекс, точка. Он глубоко несчастен, живет один в коммуналке, зализывает раны самолюбованием.

Карьера. Он хочет стать главным инженером. Боится быть виноватым. Когда его убирают, он искренне не понимает, за что. Это ломает его, и в финале он приходит к Сашке с бутылкой коньяка, чтобы понять.

Речь: Официальная, канцелярская. «Согласно пункту 14.2...», «Я вынужден констатировать...» — говорит, как диктор.

Тамара Петровна Самохина (мать Сашки). 48 лет.

Невысокая, плотная, руки в синих венах. Волосы седые рано. Работает в заводской столовой — раздатчицей.

Это тихая трагедия эпохи. Она пронесла любовь к мужу (погиб на фронте, когда Сашке было 2 года) и теперь боит-

ся, что Сашка «сгинет за идею». Она не против борьбы, она против бесполезной борьбы. Она прячет его ордена, чтобы он не гордился. Она хочет, чтобы он просто жил.

Материнский инстинкт. Спасти сына от тюрьмы.

Речь: Простая, деревенская, с ласковыми уменьшительными. «Сашенька, поешь..., не лезь ты, ради бога...»

Петр Ильич Скобцов (официальный председатель профкома).

Старый, лысый, с мешками под глазами. Боится потерять должность. Он — «реактивный тормоз». В начале он мешает Сашке, в середине — трусливо переходит на его сторону (когда комиссия приезжает), чтобы сохранить лицо. Типичный «чемодан без ручки».

Фраза: «Ну зачем же так шумно, Александр Сергеевич? Давайте в протокол, давайте по бумажке...»

Даша Корнилова (та самая уволенная мать-одиночка).

Робкая, тихая, с больным ребенком. Выступает катализатором — её слезы и молчание запускают всю заварушку. После восстановления на работе она больше не появляется в сюжете, но Сашка думает о ней как о «мере» своей правоты.

Федор Кузьмич (старый бригадир).

57 лет, ветеран, пропивший пенсию. Мудрый, пьющий. Он как хор в греческой трагедии — сидит в курилке и комментирует всё, что происходит, поучая Сашку: «Ты, главное, Санек, не борись с ветром. Ты под ветер дуй. А то сломают».

# Глава 1. Окалина

Октябрь 1985. Завод "Электроаппарат". Время — начало смены. В воздухе — лето, которое никак не хотело уходить, даже в цехах.

В цехе было жарко, как в русской бане в субботу — только без веников и без надежды на облегчение. Батареи парового отопления еще не включили, но огромные электрические печи для плавки цветного металла работали с пяти утра, и теперь каменный пол дышал таким зноем, что подошвы кирзовых ботинок начинали плавиться. Запах машинного масла смешивался с горелой изоляцией и окалиной — мелкой металлической пылью, которая оседала на губах, в ноздрях, скрипела на зубах. Кто-то из старых рабочих говорил, что в таком воздухе можно жить и не умереть, но только если ты родился здесь и никуда больше не уезжал. Остальных — уносили.

Александр Самохин стоял у своего токарного станка, направлял резец, и поймал себя на мысли, что за последние полгода впервые чувствует себя не на войне. Здесь, среди грохота прессов и шипения гидравлики, было почти тихо. Почти спокойно. Потому что здесь — не Кандагар. Здесь не надо было ждать, когда в небе покажется вертолет с красным крестом. Здесь надо было просто работать. Точить. Следить за допусками. И делать вид, что всё, что было до этого, —

не с тобой.

Подошел бригадир Федор Кузьмич — сутулый мужик с рыжим от ржавчины лицом, в промасленной телогрейке, хотя на дворе пекло. Он глянул на инструмент, на заготовку, покивал кадыком.

— Привыкаешь? — спросил он без интереса, скорее для порядка.

Сашка кивнул. У него не было сил на лишние слова. Он вообще заметил, что после армии говорить стал меньше, а слушать — больше. Голоса резали уши, особенно звонкие женские и пьяные мужские.

— Ладно, — сказал Кузьмич, — смена как смена. Норму дадим.

Сашка взял резец, включил станок. Железо завывало, засветило, и тишина внутри головы стала потихоньку наполняться обычным заводским шумом — единственным, который он пока выносил.

Ровно через час — перекур. Он вышел на улицу через главный пролет, мимо проходной, туда, где у забора стояла ржавая будка — «курилка». Там уже топтались несколько человек. Пашка был среди них. Увидел Сашку — осклабился.

Павел Королев был выше Сашки на голову, тощий, с длинными, как у цапли, ногами и небритым лицом. Он никогда не брился чисто — так, на треть, оставляя рыжеватую щетину, чтобы казаться старше. На нем была желтая китайская дубленка, которую он купил у фарцовщиков в прошлом году, и

которая на нем висела, как на вешалке.

— Санек! — Пашка развел руки, словно собирался обнимать. — Герой! Давай сюда, рассказывай, как там, в горах, жарко было?

Сашка не обнял. Он просто сунул руку в карман, достал пачку «Явы» без фильтра, щелкнул зажигалкой. Пашка на мгновение замер, но потом хлопнул его по плечу. Тяжело, по-свойски.

— Ладно, ладно, стесняешься. Привыкнешь. Мы тут свои, мы тебя помним. Ты теперь наш.

Они закурили. Дым смешался с паром от вентиляции, которая выдувала из цеха сырой воздух. Небо было серым и низким — казалось, вот-вот начнет моросить.

— Слушай, — Пашка подвинулся ближе, заговорщически понизив голос, — ты вечером как? Есть дело. Я тебе одно местечко покажу. Там полчаса работы, а денег — как за неделю. Серьезно.

Сашка выпустил дым, посмотрел на него исподлобья. Спросил тихо:

— И что за местечко?

Пашка покрутил головой, оглянулся на других курильщиков — те стояли шагах в пяти, курили свое и травили анекдоты про Брежнева, который уже несколько лет как был мертв, но анекдоты все еще ходили по заводу.

— Да тут у нас, в литейке, — Пашка махнул рукой в сторону цеха, — списанное серебро валяется. Контакты старые,

проводка. Никто не считает. Я знаю, где, что и как. Забираем, сдаем барагам. В месяц — ползарплаты на ровном месте. Ты ж бедный у нас, знаю, мать, братья, сестра... Не отказывайся.

Сашка курил долго, не проглатывая дым. Пашка ждал, переминаясь с ноги на ногу. Потом вдруг понял, что молчание затягивается.

— Ну? — спросил Пашка с вызовом. — Ты думаешь? В армии, что ли, забыл, как жить по-человечески?

— Не пойду, — сказал Сашка, — не буду. Это воровство.

Пашка поперхнулся дымом. Глаза у него расширились, потом сузились, и он заговорил тихо, но с нажимом:

— Ты охренел? Мы же воры? Это — наш завод! Мы это производим! Мы, между прочим, за эти контакты кровью платим! А они на это плевать хотели! Ну и мы тоже — плевать. Понял?

Сашка бросил окурок в грязь, растер подошвой. Посмотрел Пашке в глаза.

— Я не понял. Ты же не был в Афгане. Ты откосил. Ты не знаешь, за что там пацаны гибли. Там — за справедливость. А здесь — за серебро. Не буду.

У Пашки дернулась щека. Он зло усмехнулся, отступил на шаг, скрестил руки на груди.

— Ой, да ладно, «за справедливость»! Ты думаешь, ты такой правильный теперь? А кто тебя ждет там? Да никто. Ты пришел обратно на завод, где все воруют, все пьют, все при-

творяются. И ты хочешь быть святым. Как тебя называли в армии? «Праведник»? Ну вот и будь. Ходи тут, «праведник», получай копейки.

Сашка молчал. Он знал, что Пашка злится не на него, а на себя, за откос, за то, что не был там, где решалась судьба. Это было видно по глазам — глаза Пашки были мокрыми, хоть он и не плакал. Просто горечь.

— Ладно, — сказал Сашка, — я пошел. Работать.

Он повернулся и пошел обратно в цех, спиной чувствуя тяжелый, колющий взгляд. И оттуда, из-за спины, донеслось:

— Чужой ты теперь, Санек! Понял? Чужой! Иди, правильным будь! Смотри, чтобы не съели!

Сашка не обернулся. Он прошел через проходную, снова уткнулся в запах окалины и масла. Встал к станку. Включил. Резец запел, и на душе стало чуть легче. Потому что станок не спрашивал, чужой ты или свой. Он просто работал.

Домой Сашка вернулся поздно, когда уже зажгли уличные фонари, тусклые, с оранжевым светом, который лился на мокрый асфальт. Он поднялся на третий этаж хрущевки, отворил дверь. Из кухни пахло жареной картошкой — и это был единственный запах, в котором он чувствовал себя дома.

Мать сидела у стола с чашкой чая. Когда он вошел, она подняла на него глаза — усталые, еще молодые, но уже с сеткой морщин вокруг.

— Сашенька, поел? Там картошка, горячая.

— Не хочу, мам. Спасибо.

Он прошел в комнату, сел за свой стол. Достал из портфеля лист миллиметровки, карандаш, линейку. Начал чертить. Приспособление для утилизации серебряного лома — безотходная технология, чтобы никто не мог вынести даже грамма. Он думал об этом всю дорогу домой, перебирал в голове схему.

Мать заглянула в комнату с чайником в руке. Поставила чашку на стол, рядом с чертежом.

— Сашенька, ты бы отдохнул. Устал ведь.

— Завтра отдохну, — ответил он, не поднимая головы.

Она вздохнула, тихо, почти беззвучно — и вышла. Шаркающие шаги затихли на кухне, там звякнула посуда, и стало слышно, как за окном шуршит шинами редкая машина.

Сашка сидел и чертил. Кандагар — здесь, в этих линиях и допусках. Серебро — там, в Пашкиных руках. А между ними — он.

И это была самая трудная линия, которую ему когда-либо приходилось проводить.

## Глава 2. Серебряный дождь

Декабрь 1985. Отдел главного технолога — второй этаж административного корпуса. За окнами — первый снег, сырой и липкий. Внутри — запах свежей краски, машинописных лент и старого табака.

Отдел главного технолога располагался в бывшем купеческом особняке — до революции здесь жил какой-то чаеоторговец, потом здесь была партийная школа, а теперь — кабинеты с высокими потолками, лепниной на стенах и панелями из темного дуба, которые отдавали казенным холодом.

В такой обстановке Сашка чувствовал себя незванным гостем. На нем была единственная приличная рубашка — синяя, клетчатая, с отложным воротником, — которую мать гладила еще вчера вечером, приговаривая: "В отделе надо как человек, а не как в цеху". Он вычистил ботинки, причесался — и все равно чувствовал себя мальчишкой, которого вызвали к директору за хулиганство.

Он держал под мышкой папку с чертежами, в руке — пояснительную записку, отпечатанную на машинке в заводской библиотеке. Там было всё: расчеты, схемы, экономическое обоснование, ссылки на ГОСТы и на опыт немецких коллег, о котором Сашка прочитал в каком-то техническом журнале еще в армии.

В приемной сидели трое инженеров — пожилые, в серых

пиджаках с накладными карманами, с вечными карандашами за ушами. Они пили чай из граненых стаканов в подстаканниках и о чем-то спорили вполголоса. Когда Сашка вошел, они разом замолчали и уставились на него, как на инопланетянина.

— Тебе кого, молодой человек? — спросил один из них, лысый, с рыжими бакенбардами. — Прием у главного только по записи.

— Я с рацпредложением, — сказал Сашка. — К товарищу Кондратьеву. Я из цеха, токарь Самохин.

Инженеры переглянулись. Лысый хмыкнул и отпил чаю — громко, с причмокиванием, как будто специально делал паузу.

— Токарь, говоришь? — протянул он. — А мы вот, знаешь, инженеры, по двадцать лет в чертежах сидим, а всё никак не додумаемся, как там, у станка, гайки крутят. Ну, давай, показывай, что там у тебя за рацпредложение, чтобы мы с утра настроение не портили.

Сашка положил папку на стол. Развернул миллиметровку. Инженеры наклонились — нехотя, с ленцой, — и начали смотреть. Один из них, с усами, как у Буденного, даже взял лупу, приставил к глазу и стал водить по линиям.

— Хм, — сказал Буденный. — Ну, в общем, конструктивно... Как приспособление для повышения токопроводности — есть идея. А вот зачем ты сюда лом от брака приплел? Это же вторсырье, мы его на переплавку отдаем.

— Я хочу сделать так, чтобы лом не уходил с завода, — сказал Сашка ровным голосом. — Чтобы он использовался в технологическом цикле. Тогда исчезнут отходы. А значит, исчезнет источник — ну, вы понимаете...

Он не договорил. Бакенбарды переглянулись с усами и расхохотались. Громко, басовито, так, что зазвенели стаканы в подстаканниках.

— Исчезнет источник! — повторил лысый, вытирая слезы. — Ой, не могу! Ты слышал, Виктор Степаныч? Мальчик хочет ликвидировать отходы! А зачем? Чтобы рабочие воровать перестали? Так они и так будут воровать, у нас тут не Англия, у нас тут — социализм! Воруют, и воровать будут. Это же традиция!

Усатый кивал, ухмыляясь в усы. Но Сашка не моргнул. Он выдержал паузу и спросил тихо:

— А если я докажу, что это снизит себестоимость на семь процентов? И план по экономии материалов будет перевыполнен? Товарищ Кондратьев — он жадный до экономии, как вы думаете?

Наступила тишина. Инженеры переглянулись уже невесело — в их глазах промелькнула искра интереса, но они сразу же спрятали ее за профессиональным скепсисом.

В этот момент из кабинета вышел главный технолог. Это был человек лет сорока пяти, сухой, подтянутый, в очках с толстыми стеклами. Звали его Борис Ильич Кондратьев. Он был из тех хозяйственников, которые умеют считать до ко-

пейки и не любят лишней болтовни. Он мельком взглянул на чертеж, взял его в руки, покрутил, поцокал языком.

— Чей? — спросил он, не поднимая глаз.

— Самохин, токарь, — сказал Сашка.

— Зайди, — коротко бросил Кондратьев и ушел в кабинет.

Сашка прошел за ним, закрыл дверь, оставив инженеров с открытыми ртами.

В кабинете было тесно. Столы завалены бумагами, на стене — плакаты с техникой безопасности и портрет Андропова (который уже два года как умер, но его еще не сняли). Кондратьев сел, надел очки по-настоящему, а не как в коридоре, и начал читать записку молча, не перебивая. Сашка стоял, потом сел на предложенный стул. Ждал.

Минут через пятнадцать Кондратьев поднял глаза. В них не было насмешки. Только усталость и острый, колющий расчет.

— Семь процентов, говоришь? — спросил он. — А если я проверю твои данные — и окажется, что три?

— Проверяйте, — сказал Сашка. — Я готов.

— Хорошо. Сделай образец. Через месяц — испытания. Если работает — премия, авторское свидетельство, все дела. Если нет — извини, парень. Ты свое потратишь, не я.

Сашка кивнул.

— Сделаю.

Кондратьев снял очки, потер переносицу и вдруг спросил:

— Скажи, Самохин, а чего ты этим занимаешься? Тебе за это не заплатят, если честно. Ты что, борец за правду?

Сашка помолчал. Подумал о Пашке, о его желтой дубленке, о серебре, которое лежит в литейке и ждет воровских рук. Подумал о комбате, который умирал у него на руках в горах и просил: "Саша, не дай нас забыть".

— Хочу, чтобы по-честному, — сказал он просто.

Кондратьев усмехнулся одними уголками губ, ничего не ответил, махнул рукой — "иди".

---

В тот же день, в обед, Сашка пришел в столовую. Заводская столовая помещалась в старом одноэтажном здании с высокими окнами, где всегда былолюдно, шумно и пахло капустой и котлетами. Здесь, за длинными алюминиевыми столами, собирались все цеха. Сашка взял поднос, суп, котлету с пюре, хлеб и сел в углу, спиной к стене, чтобы видеть вход.

Через пять минут вошел Пашка. Он был какой-то нервный, с бледным лицом, с трясущимися руками. Он не взял поднос — просто прошел мимо раздачи, где мать Сашки, Тамара Петровна, разливала компот, и сел напротив Сашки.

— Привет, праведник, — сказал он глухо. — Как дела? Чертежи рисуешь?

— А ты как? — спросил Сашка, отодвигая тарелку.

Пашка сжал кулаки на столе. Пальцы побелели. Он заговорил быстро, тихо, с шипением:

— Серебра нет. Понимаешь? Нет. Техпроцесс изменили. Мои барыги — недовольны. Я должен им деньги, а я — нищий. И ты знаешь почему? Потому что кто-то подал рацпредложение!

Сашка молчал.

— Ты? — Пашка подавился. — Ты, да? Ты заложил нашу жилу? Ты — родственнику мокруху, ты!

— Я не закладывал, — сказал Сашка тихо, но твердо. — Я сделал, чтобы завод не терял. Это мое право.

— А мое право? — Пашка почти закричал, но сдержался, потому что рядом сидели люди. — Я, может, детей кормить должен? У меня жена! Я обещал ей шубу к Новому году! А теперь что? А теперь — штраф! За невыполнение плана! Из-за твоего... рацпредложения!

Сашка хотел сказать что-то еще, но Пашка встал, опрокинув стул, и крикнул уже в голос — так, что весь зал повернулся:

— Сволочь ты, Самохин! Чистоплюй! Ты думаешь, ты герой? Ты — обычный предатель!

Мать Сашки, Тамара Петровна, услышала этот крик из раздаточного окна. Она выглянула, увидела сына, побледнела, положила поварешку и вышла в зал. Она подошла к столу, взяла Сашку за руку — крепко, по-матерински, и сказала:

— Сашенька, иди отсюда. Не связывайся. Пойдем, я тебе котлету с собой дам.

Пашка стоял и смотрел на них. В его глазах блестели сле-

зы злости. Он хотел еще что-то сказать, но мать Сашки развернулась к нему и тихо, но так, что слышали все вокруг, произнесла:

— Паша, ты хороший человек, но водка тебя съела. Иди проспись. Не тронь моего сына.

Пашка замер, потом резко развернулся и пошел к выходу. Он не обернулся. В зале повисла тишина, потом кто-то кашлянул, кто-то засмеялся, и разговоры возобновились.

Сашка сидел и смотрел в тарелку. Котлета остыла. Мать села рядом, положила руку ему на плечо. От нее пахло щами и усталостью.

— Сашенька, — сказала она, — ты не переживай. Пашка остынет. Он же не злой, он просто слабый. А ты — сильный. Ты у меня такой. Только, смотри, не сломайся от этой тяжести.

Сашка поднял голову и посмотрел на мать. Серые, ясные глаза, уже со старческими припухлостями, но еще теплые.

— Не ломаюсь, мам, — сказал он. — Только завтра пойду в механический цех, образец делать. Там холодно, там руки мерзнут, но зато — работа.

Она вздохнула, погладила его по стриженному затылку — там, где еще был виден шрам от афганского осколка.

— Иди, сынок, — сказала она. — Иди. Ты у нас — честный. Это главное.

## Глава 3. Приспособление

Январь 1986. Испытательный стенд в механическом цехе. За окнами — крещенские морозы, сухие и злые, до минус двадцати. Снег лежит плотным настом, хрустит под ногами, как битое стекло. Небо над городом — сизое, тяжелое, низкое; дым из заводских труб уходит не вверх, а стелется вдоль крыш, серый и едкий, как чужой вздох.

---

Утро началось с того, что Сашка проснулся за час до будильника. В комнате было холодно — батареи едва грели, и он натянул на голову одеяло, но сон уже ушел. Он лежал, смотрел в потолок с желтым пятном от протекшей крыши и слушал, как за стеной возится мать — гремит кастрюлями, ставит чайник. За окном еще было темно, но снег отражал свет уличных фонарей, и комната казалась призрачно-голубой.

Он встал, умылся ледяной водой из крана — от этого сразу проснулся, — надел чистую, выглаженную рубашку, поверх — старый свитер, который мать связала еще до армии. На завтрак — овсянка, которую он ел молча, глядя в окно на заснеженный двор, где дворник дядя Коля методично расчищал дорожку к мусорным бакам. Снег скрипел под лопатой так отчетливо, что этот звук доносился даже сквозь двойные рамы.

— Сегодня испытания, — сказал он матери, надевая сапоги. — Если всё получится, у нас будет новый техпроцесс.

— Смотри, не простынь, — ответила мать, подавая ему сверток с бутербродами. — И вот, возьми термос. Там чай с молоком.

Он поцеловал ее в щеку и вышел. Мороз хватил его по лицу, как пощечина — сухая, колючая, с запахом дыма и оттаявшего на мгновение снега. Он шел по улице быстро, пар вылетал изо рта клубами, ресницы покрывались инеем. Город спал — лишь редкие автобусы с дребезжащими стеклами везли первых рабочих.

---

В цехе испытательного стенда было не холоднее, чем на улице. Здесь, в старом корпусе, где когда-то стояли ткацкие станки, а теперь — измерительные приборы и осциллографы, воздух был сырым и ледяным. Сашка разделся до свитера, надел рукавицы, достал свой образец — аккуратный механизм из нержавеющей стали и меди, с контактами, которые он сам выточил на станке за последние две недели по вечерам.

Напротив стояли трое: главный технолог Кондратьев, его помощник — молодой инженер Леня, который постоянно поправлял очки и смешно шмыгал носом, — и старый испытатель дядя Миша, который работал здесь еще с хрущевских времен. Дядя Миша был седой, с огромными усами, в засаленном халате, и смотрел на Сашкин прибор с искренним недоверием.

— Ну что, — сказал Кондратьев, потирая руки, — давай, Самохин, показывай. Или мы зря снег топчем.

Сашка подключил прибор к сети, закрепил на нем контрольные провода, включил нагрузку. Стрелка на амперметре дернулась, потом поплыла вверх — ровно, без скачков. Через минуту дядя Миша хмыкнул, сверился с таблицей, и сказал:

— Семь целых две десятых процента экономии, Борис Ильич. Без шума, без пыли — сразу.

Кондратьев подошел, заглянул в приборную панель, снял очки, протер стекла. Потом медленно, с чувством, улыбнулся — впервые за всю свою работу на заводе.

— Самохин, — сказал он, — ты, оказывается, талант. Я не люблю говорить лишнего, но... премию я тебе выпишу. И авторское свидетельство. А твой прибор мы поставим на поток. Если ты не против.

Сашка ничего не ответил — только кивнул, потому что слова застревали в горле. Он вдруг почувствовал, как у него потеплело в груди, и понял, что это, наверное, и есть то самое чувство, когда ты делаешь что-то настоящее.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.